

3 декабря. Билибино

Дорогой Наиль!

Как и обещал, пишу с Чукотки, из районного центра Билибино. Акклиматизировался, можно сказать, привык. Все здесь тихо, спокойно и неторопливо. Нет суеты, нет суеты, нет суеты, вообще не наблюдаю резких движений и сам их избегаю. Впечатлений много. Особенно от природы, которая не стесняется себя показать.

Вчера увидел, как в Дом культуры сходятся старушки-чукчанки. Прошел за ними. Оказалось, они устроили нечто вроде посиделок. В одном из залов расставили столы, стулья, пьют чай с конфетами, разговаривают. И не только старушки. Здесь и средний возраст, и подростки, и почти грудные. Все пришедшие — человек семьдесят — жители Омолона, Анюйска, Илирнея, Островного и Кепервеема. Формальный повод собраться — празднование 69-й годовщины Чукотского округа. Организовать подобную встречу трудно. В Билибино коренных жителей не много, а чтобы привезти их из далеких сел никаких денег не хватит. Расстояния огромные. Пассажирский транспорт не курсирует. Только специальный. От Билибино до Островного шесть-семь часов езды по зимнику, а до Омолона или Анюйска добираются сутками. Но прибывших надо еще разместить, накормить; потом отправить обратно; словом, дело это неподъемное для хилых районных бюджетов. Жители поселков никак не могут добраться до районной больницы, а добравшись, остаются на два-три месяца, не имея возможности вернуться домой. В Доме культуры собрались как раз те, кто по каким-то причинам оказался в эти дни в Билибино.

Идея посиделок проста. Коренным жителям в городе пойти некуда. Вокруг, конечно, не враги, но чужие. Куда ни глянь — всюду мы со своими уставами и законами, а к ним добавь наши ужимки, хватки и прочее, что мы и сами терпим с трудом. Чукчи и эвены, а именно эти народности самые многочисленные в районе, пребывают на положении бедных родственников, хотя живут у себя дома. Конечно же, им хочется побыть вместе, поговорить на родном языке, спеть свои песни, потанцевать. Многие уже десятки лет, как покинули тундру, и с тех пор не виделись с родственниками, друзьями. Здесь, например, встретились сёстры, которые расстались тридцать лет назад! Уже одно это — событие.

Среди участников вечера оказалась и моя новая знакомая — эвенка. Она работает смотрительницей в краеведческом музее. Надя пригласила меня за один из столов, и весь вечер я находился рядом с нею и её подругой Лидой, воспитательницей из детского сада в Анюйске. От них я узнал, что такие встречи проводятся по инициативе ЮНЕСКО, объявившей девяностые годы десятилетием малочисленных народов. Надо же! Девяностые на исходе, а я впервые об этом слышу. Мы пока народ немалочисленный, и не каждый у нас знает о существовании самого ЮНЕСКО.

Во всяком случае, необходимость подобных встреч назрела и без посторонней инициативы. Конкурсы, самодеятельные концерты и игры, сопровождаемые чаепитием. Приглашали всех желающих. Ограничения были лишь в деньгах. Районная администрация выделила полторы тысячи. Если разделить на семьдесят и сопоставить с ценами, получится сумма мизерная. Но и этому люди рады, а скромное угощение принимали с благодарностью. Когда такие посиделки устраивают в национальных селах, денег выделяют ещё меньше. Триста рублей на мероприятие. Хотя там собираются по сто и более жителей. Как обходятся? На эти деньги покупают муку и пекут пироги. Главное — побыть вместе.

Мне казалось, что все собравшиеся, кроме моих собеседниц, чукчи. Но здесь были и эвены, которых не надо путать с эвенками...

Ты, конечно, слышал анекдоты про чукчу. Откуда они пошли, не знаю, но, вероятно, анекдоты эти призваны высветить наш интеллект. Для русских чукча не национальность, а обобщенный образ. Эвены, эскимосы, юкагиры, ненцы, нанайцы, якуты, коряки, ханты и манси — все для нас чукчи, равно как и народы, живущие гораздо южнее, вплоть до монголов и даже включая их. Здесь главное, чтобы в наличии были чум, яранга или юрта, узкие глаза да широкие скулы, — вот тебе и чукча. То же, что и «лицо кавказской национальности». Так что мы относим это понятие к народам Севера вообще, не имея в виду чукотских чукчей. Тем не менее анекдоты эти высвечивают не интеллект, а наше скудоумие и высокомерие, свойственные народу, только-только переставшему считаться первобытным. Вот, кстати, анекдот:

«У самолета, летевшего над Чукоткой, отказали двигатели. К счастью, летчики сумели спланировать прямо в тундру, и пассажиры были вынуждены пробираться по сугробам к какому-нибудь жилью. Обессиленные, замерзшие и голодные, они кричали: "Ау-у-у! Лю-ю-ди! Помогите!" На что выглянувший из-за редких кустов чукча заметил: "Как Москва — так *чукчи*, а как тундра — так *люди*».

Но, кроме чукчей, на Чукотке живут эскимосы, коряки, юкагиры, чуванцы... Здесь, в Билибинском районе, в основном живут чукчи и эвены. Мне сказали, будто они принадлежат к разным расам. Вроде бы чукчи относятся к негроидной, а эвены к монголоидной. Не знаю: верить ли этому? Для меня они мало отличимы. Я считал, что все эти народы являются остатками Золотой Орды и потомками Чингисхана. Мне казалось, что сразу после Куликовской битвы они бежали на восток и в конце концов прижились в этих недоступных местах, где мы их сумели достать лишь спустя несколько столетий. Я мало задумывался над тем, что

наши («наши»!) северные территории были всегда заселены народами, со своей культурой, религией, богами и божками, со своими историями и традициями, что, покоря Сибирь, в действительности Ермак покорял людей, которые жили там тысячи лет, не подозревая о нашем славном существовании.

Эвены — их раньше называли ламутами — происходят от тунгусских племен, вышедших из Китая. Часть эвенов и поныне проживает в Китае и Монголии. Этот кочевой народ испокон веков пас оленей, передвигаясь на огромные расстояния и преодолевая любые препятствия. Так предки эвенов добрались до Ледовитого океана. Они были невероятно мобильными из-за того, что их стада не были большими, и обладатели двухсот или трехсот оленей считались богачами, в то время как у чукчей или коряков стада были в десятки раз многочисленнее. Кроме того, эвенские олени намного крупнее тех, что пасут чукчи. На них эвены ездили верхом, в то время как олени чукчей немногим больше крупной собаки. При обмене за эвенского оленя чукчи давали двух своих. Не оттого ли эвены считают себя более цивилизованными? А может, потому, что эвены христиане, причем православные? С чукчами эвены чаще воевали, чем дружили. По словам Нади, виноваты эвены, которые были агрессивны и часто вытесняли чукчей. Оправдывались они тем, что их, в свою очередь, теснили якуты. На якутов тоже давило какое-то воинственное племя... Словом, во всем виноваты мы, русские, потому что прогнали с насиженных мест то племя, которое теснило якутов. Ну а с нами, как показывает история, можно все что угодно делать, даже завоевать (Наиль, ты здесь ни при чем!). Вот только прогнать нас еще никому не удавалось...

Когда я обратил внимание на внешнюю схожесть чукчей и эвенов, мои собеседницы удивились. По их мнению, эвены отличны не только от чукчей, но и между собой. Омолонский эвен отличен от анюйского, и оба — от илирнейского. «Мы идем по улице, — говорит Лида, — и сразу определяем, откуда эвен родом».

А мы, русские, сможем отличить валдайца от скобаря или уральца от курянина? Я не отважусь. А ты отличишь татарина из Бугульмы от татарина из Мензелинска?

Я спросил, действительно ли эвены выше чукчей в культурном развитии? Мои собеседницы рассмеялись. Никто не выше и не ниже. Оба народа — великие труженики и, чтобы выжить, всю жизнь занимаются оленеводством и охотой. У чукчей - яранга, у эвенов — чум или юрта; у чукчей одежда более строгая, приспособленная, практичная; у эвенов, особенно у женщин, она отличается художественным изыском: орнаментом из красных, черных и синих лоскутков, украшениями из разноцветного бисера, а также серебряными пластинками, бляшками, колокольчиками или монетами. Передники (или фартуки) эвенок — главная достопримечательность. Женщина, бывало, расшивала его всю жизнь, и такой передник — предмет особого внимания коллекционеров. Стоимость иного доходит до тысячи долларов и выше.

Я познакомился с чукчей, бывшим оленеводом, и эта встреча произвела на меня гнетущее впечатление. Представляешь, он не помнит, когда в последний раз ел куриные яйца! Я рассказал об этом Наде и Лиде, но они не удивились. Говорят, и не такое возможно.

Лида рассказала об Анюйском совхозе, который преобразовали в фермерское хозяйство, никого о том не спросив. Оленеводы работали-работали, вдруг им сообщили, что отныне они трудятся на ферме. Руководство оставили за собой, а ответственность за стадо переложили на оленеводов. Хотя знают, что поодиночке пастухам не выжить. Теперь, когда фермерские хозяйства развалились, олени исчезли, а пастухи покинули тундру, начальство спохватилось. Решили вновь всех согнать в совхоз. Только уже некого сгонять и нечего пасти. Осталось не более тысячи оленей. Это ничто. А оставшиеся оленеводы по пять лет не видят ни денег, ни даже хлеба.

Сама Лида получает тысячу рублей в месяц и тем спасается. А многие живут лишь на пособие, которое, впрочем, уже год не выплачивают. Она говорит, что и рыбы в реках не стало. Вроде бы она поднялась в верховье и больше не спускается. Возможно, ее переловили, а может, отравили. На вопрос: «Как люди живут?» — эвенка отвечает известной формулой: «Хочешь жить — умей вертеться». Маленькая, щупленькая, по-детски наивная, и вдруг — эта поговорка, скорее советская, чем русская.

Знает ли начальство о столь бедственном положении?

Собеседницы убеждены, что все от него и исходит. Они стали рассказывать о каких-то средствах, выделяемых государством на развитие оленеводства и на поддержание жизни в национальных селах, о том, что деньги эти разворовываются, что начальство за их счет обогащается, и от этого у всех ностальгия по советским временам, когда в оленеводстве был порядок, а у населения достаток. Сейчас эвены и чукчи беззащитны и бессильны. Надя и Лида считают, что они вымирают. Возросли заболевания туберкулезом, который уже вроде бы победили. И русские, не успевшие выехать, тоже заболевают. Здоровых детей почти нет. Лида говорит, что они приходят в садик и первое время не могут ничего есть, кроме хлеба. Дали как-то на праздник яички, а дети спрашивают: «Что это за мячики?» Слава Богу, в садике налажено питание, в том числе и молочными продуктами. Разумеется, из сухого молока. Кроме того, есть сухие овощи. Стараются, как может, сельская администрация.

Но почему же оленеводы не возмущаются, почему не постоят за себя?

Надя отвечает, что оленеводы — трудяги и вообще не склонны к пустым разговорам. По её словам, на Чукотке нужны не только оленеводы, охотники и рыбаки. Нужны свои шофера, авиаторы, шахтеры, строители, врачи, учителя — словом, специалисты, владеющие всеми необходимыми профессиями, чтобы не возить их с материка за большие деньги. Чукча или эвен не станет тащить за собой контейнер. «Нам не нужны на материке

дома или квартиры, — говорит Надя. — Мы уезжать не собираемся. Здесь наш дом, наша родина, наши предки, наши семьи, и, даже если с голоду будем помирать, не уедем. Нам только надо помочь обрести профессии. Оленевод уходит из тундры и куда идет? Кочегаром в лучшем случае. Потом спивается и гибнет. Они ведь не знают, как жить без тундры».

Надежда рассказала, что некоторые эвены и чукчи обзавелись огородами и даже смогли вырастить капусту. Невероятно, но наше государство и не на такое сподвигнет, у нас и «на Марсе будут яблони цвести».

Мы заманили сюда врачей, учителей, шоферов, летчиков, шахтеров, а коренные жители как были, так и остались оленеводами, охотниками и рыбаками. Большинство приезжих Чукотку покинули, и оказалось, что эта земля, кроме северных народов, никому не нужна. Мы ведем себя здесь как временщики, а от временщиков какой прок?

Случается, что временщики, прожив на Чукотке и уехав на материк, пишут затем слезные письма. Надя говорит, что её друзья — русские — нигде не могут прижиться. И дома есть, и садовые участки, и машины, а жить не могут. Жалуются на то, что «люди какие-то не те».

Я здесь чувствую себя спокойно, безопасно. Честно говоря, устал от того, что человек человеку волк, что столица — город мертвых душ. Но для моих собеседниц Билибино в сравнении с Анюйском — что для меня Москва. В далеких поселках отношения между людьми лучше и чище.

Пока мы разговаривали, участники вечера пили чай, плясали, пели. Организаторы устроили викторину наподобие «Поля чудес», но главное, все — от стариков до самых маленьких — веселились. Они, включая летчика-подполковника, словно дети, радовались тому, что я их фотографирую, послушно выстраивались для снимка и особенно хотели, чтобы я запечатлел детвору. А как прихорашивались старушки, каждая из которых — настоящий клад! С ними можно разговаривать бесконечно. Они

прожили жизнь в тундре, рожали и воспитывали детей, пасли оленей вместе с отцами, мужьями и братьями, каждая — мастерица по шитью и рукоделию, ас в приготовлении пищи, искусный целитель и учитель, знаток древних преданий, обычаев, устоев, традиций. Женщина в тундре — особая тема...

Надя договорилась о моей встрече с пожилой чукчанкой. Говорит, она личность легендарная. Ей больше восьмидесяти, и почти всю жизнь прожила в тундре. К тому же у нее муж — русский. Она родила от него восьмерых детей!

...Там же была и эвеночка, лет пятнадцати... С такой пройдешь по Москве — все будут оглядываться. Да и по Казани, которая щедра на экзотику, я бы с нею прогулялся: от Университета до Кремля. Белый Кремль на фоне синего неба всегда меня восхищал.

P.S. Продолжаю письмо и для этого даже вскрыл конверт.

На следующий день ко мне зашли Надя с Лидой и принесли небольшую турочку. Слушая их рассказы о жизни в тундре, я пожаловался на то, что мне, несчастному, не в чем варить кофе, а они не пропустили мимо ушей...

Поскольку Надя родом из Анюйска и всех там знает, я взял телефонный справочник района за 1983 год и попросил назвать, кого из абонентов уже нет в Анюйске. Она без труда это сделала. Я отмечал, а Надя, глядя на список, ровным голосом произносила: «Этого нет... Этого нет... Этого нет...» Из ста четырнадцати абонентов остались лишь двадцать семь! Почти ничего не сохранилось и от солидной инфраструктуры поселка, который до появления Билибино был районным центром, а сам район назывался Восточно-Тундровским.

УСТРОЙСТВО ЭВЕНСКОЙ ЮРТЫ

«Мужчины приносили четыре длинные жерди, ставили их наклонно, чтобы они сходились между собой вершинами. Получался остов юрты (халкамча). К двум опорным жердям остова над местом очага (в центре жилища) на определенной высоте горизонтально привязывали меньшую жердь (екэтэн) для подвешивания котла, чайника. В основе юрты делалась загородь из вертикальных палок (чора) одинаковой длины. Каждые три палки связывались между собой ремешком, пропущенным в отверстия на концах палок. Две из них свободными концами упирались в землю в виде треугольника, третья накладывалась поперечно на следующие две палки. Таким образом ряд острых треугольников, стоящих друг от друга на некотором расстоянии, составлял каркас стены. Таких треугольников ставили столько, сколько нужно для предполагаемого размера юрты. К поперечным жердям прикрепляли длинные жерди (хяранг), концы которых сверху образовывали конус с дымовым отверстием. Летом остов юрты покрывали ровдугой, в три ряда, один над другим, зимой – шкурой оленя мехом внутрь.

Имелся специальный вход в юрту – дверь (уркэ), которая покрывалась ровдугой или шкурой. Иногда в юрте имелись два противоположных входа – это зависело от количества хозяек в данном жилище. При этом по полу прокладывались две тонкие жерди, которые отделяли одну семью от другой, а очаг от жилых мест, расположенных по бокам от него. Пол устилали мелкими ветками стланика или лиственницы, а поверх них настилали невыделанные шкуры оленя.

При вселении в юрту старались сохранить традиционный порядок в размещении вещей. Первый с левой стороны от входа угол, а иногда и правый, был

занят кухонными предметами. Это хозяйственный угол. В нем располагали утварь: деревянный столик на низких ножках, медные чайники и котлы, деревянные блюда и костяные ложки, ножи, железные крючки для вытаскивания мяса, деревянный футляр с чашками и другие предметы. Около постели (у женского угла) лежали сумки с рукодельными принадлежностями, скребки для выделки шкур и доска для кройки шкуры.

С правой стороны от двери находились вьючные сумы (мунгэрэ) с одеждой и продуктами, охотничье снаряжение, а около стенок юрты клали свернутую постель из прямоугольных мешков, сшитых из шкуры оленя мехом внутрь, одеяла из шкуры медведя или зайца; устанавливали пологи из ровдуги, тут же ставили люльку.

К жердям стенок вешали самодельный календарь, иконку, сумку со стружками, заменявшими полотенце, сумки с мелкими рукодельными принадлежностями. Иногда сумы из камуса с продуктами и одеждой складывали на улице около юрты и покрывали их шкурами. Тут же у входа оставляли лыжи, оленью упряжь и другой инвентарь.

Каждый член семьи имел свое определенное место для сидения в жилище: женщина — около хозяйственного угла, мужчина — в передней части юрты, а гостям предлагались самые почетные места, обычно между хозяевами».

*Краеведческие записки. Выпуск IV.
Магадан, 1962, с.121-123*

СООБЩЕНИЕ О РАБОТЕ III СЪЕЗДА СОВЕТОВ СЕВЕРО-ЭВЕНСКОГО РАЙОНА

5 октября 1936 г.

На далеком Севере открылся III съезд Советов Северо-Эвенского района. За последние 2 года район добился крупных успехов в своей работе. Вымиравший при царизме народ при Советской власти зажил полной жизнью. Коренное население увеличилось на 4,9%. Оленье поголовье возросло на 1360 голов — 32%. План путины в 1936 г. Выполнен на 120%, по пушнине — на 100%. Заработок колхозников поднялся до 9400 руб. В национальных центрах выстроены 3 хорошие школы, фельдшерский пункт и 27 жилых колхозных домов. На каждом пункте построены магазин, пекарня и баня. Колхозники освоили производство кирпича, финской стружки и овладели техникой строительства. Кочевое население переходит на оседлую жизнь. Дети школьного возраста все охвачены школой. Веселее и радостнее стали жить колхозники, окруженные повседневной заботой партии и правительства. Вот почему эвены, якуты и другие представители народов Севера, собравшись на съезд, пишут руководителям Дальнего Востока т.Лаврентьеву, Крутову: "Воодушевленные проектом новой Конституции, делегаты съезда Советов заверяют вас, что и в дальнейшем неустанно будут бороться с удвоенной силой за выполнение плана, а также за выполнение возложенных партией и правительством перед Дальстроем задач по освоению Колымского края.

Да здравствует Советский Союз!
Да здравствует Коммунистическая партия большевиков!»

«Красный маяк», 1936г., 5 октября

О Б Р А Щ Е Н И Е!

Мы, представители коренных народов Севера, проживающие в г.Билибино, с.Омолон, с.Кепервеем, с.Илирней, с.Островное, отделении Кайэттын, в преддверии выборов главы администрации нашего района пришли к выводу, что сегодня в России малочисленные коренные народы Севера находятся на грани крайней нищеты. Безработица захлестнула аборигенов, оленеводство по всему Северу в полном упадке. Медицинское обслуживание, образование доведены до минимального уровня. Национальная культура народов Севера не имеет государственной поддержки.

Эти беды всего российского народа коснулись особенно жителей нашего района, в том числе и тех, кто родился и вырос в нем...

«Золотая Чукотка», 10 декабря, 1999 г.